

ЕВРОПЕЙСКИЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ПОСТСОВЕТСКАЯ
ПУБЛИЧНОСТЬ: БЕЛАРУСЬ,
УКРАИНА**

Сборник научных трудов

ВИЛЬНЮС
ЕГУ
2008

УДК 316.3(476+477)
ББК 60.56(4Бен+4Укр)
Пб3

Рецензенты:

Донскис Л., профессор, директор Института политических наук и дипломатии,
Университет имени Витовта Великого, Каунас, Литва;
Ковальска М., профессор заведующая кафедрой философии,
Университет Белостока, Польша

Пб3 **Постсоветская публичность: Беларусь, Украина.** Сборник научных трудов под редакцией М. Соколовой, В. Фурса. – Вильнюс : ЕГУ, 2008. – 224 с.

ISBN 978-9955-773-14-6.

Сборник научных работ белорусских и украинских авторов представляет собой результат выполнения международного исследовательского проекта. В книге рассматриваются различные аспекты публичности в постсоветских контекстах: публичная сфера в структуре и динамике постсоветских обществ, публичность и политика, медиатизация публичной сферы (масс-медиа, WWW), политические импликации художественной публичности и др.

Книга рассчитана на специалистов – философов, политологов, социологов – и широкую публику, интересующуюся проблемами постсоциалистического развития.

УДК 316.3(476+477)
ББК 60.56(4Бен+4Укр)

Издание осуществлено в рамках проекта
«Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова»
при поддержке Корпорации Карнеги (Нью-Йорк)

ISBN 978-9955-773-14-6

© Европейский гуманитарный университет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Фурс Введение: Трансформации публичности и постсоветская ситуация.....	5
РАЗДЕЛ 1. ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА: ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА	
Анатолий Ермоленко Публичный дискурс как фактор социальной интеграции в современном обществе.....	25
Сергей Пролеев, Виктория Шамрай Феномен кланово-корпоративного общества.....	41
Виктор Степаненко Политическая публичность в трансформации: дискурсы, символизации и практики в Украине в 2000-х гг.....	56
Роман Кобец «Интимизация публичности» – постсоветский путь «расколдовывания» политики в Украине.....	76
РАЗДЕЛ 2. АСПЕКТЫ МЕДИАТИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОСТИ	
Марина Соколова www как политическая публичная сфера.....	92
Вероника Фурс Публичное и приватное в белорусском социально-политическом медиа-дискурсе.....	119
Виктор Мартинович Роль независимых масс-медиа в конструировании альтернативной публичности в Беларуси.....	140
Ольга Шпарага Демократический потенциал культурных практик в условиях авторитаризма: случай Беларуси.....	158
Анатолий Паньковский Канва (белорусской) экспертизы.....	187
Сведения об авторах.....	215

CONTENT

Vladimir Fours Introduction: Transformations of the Public Sphere and the Post-Soviet Situation.....	5
PART 1. PUBLIC SPHERE: SOCIETY AND POLITICS	
Anatoly Ermolenko Public Discourse as a Factor of Social Integration in Contemporary Society.....	25
Sergey Proleyev, Victoria Shamrai A Phenomenon of Clan-Corporate Society.....	41
Victor Stepanenko Political Public Sphere in Transformation: Discourses, Symbolizations and Practices in Ukraine at 2000's.....	56
Roman Kobets «Intimitization of Publicness» – a Post-Soviet Way of Disenchantment of Politics in Ukraine.....	76
PART 2. ASPECTS OF MEDIATIZATION OF PUBLICNESS	
Marina Sokolova www as a Political Public Sphere.....	92
Veronika Furs Public and Private in the Belarusian Social-Political Media-Discourse.....	119
Victor Martinovich Role of Independent Media in Constructing Alternative Publicness in Belarus.....	140
Olga Shparaga Democratic Potential of Cultural Practices Under the Conditions of Authoritarianism: the Case of Belarus.....	158
Anatoly Pankovski The Line of (Belarusian) Expertizing.....	187
Authors and Summaries.....	218

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЧНОСТЬ В ТРАНСФОРМАЦИИ: ДИСКУРСЫ, СИМВОЛИЗАЦИИ И ПРАКТИКИ В УКРАИНЕ В 2000-х гг.

Цель этого материала – обсуждение проблем постсоветской политической публичности в таких ее аспектах, как дискурсы, символизации и практики гражданских манифестаций в Украине периода 2000-х гг. Именно этот период – от взорвавших общественно-политическую ситуацию событий «кассетного скандала» осени 1999 г, последующего углубления кризиса легитимации власти, активизации протестного движения «Украина без Кучмы» 2000–2001 гг, парламентских выборов 2002 г, драматических президентских выборов конца 2004 г, переросших в «оранжевую революцию», и, наконец, сложного и противоречивого дальнейшего постреволюционного политического развития – зримо актуализировал проблемы политической публичности, обнаружил драматические трансформации ее практик и репрезентаций в стране. Сквозь призму этих трансформаций в Украине проявились также и общие характерные особенности самого понимания концепта публичности в постсоветском общественно-политическом дискурсе.

Концепция политической публичности в социокультурном контексте

Здесь и в дальнейшем рассмотрении я буду употреблять понятие *политической публичности*¹ в двух основных значениях, а именно:

1) как открытость функционирования властной бюрократии и государственных институтов, прозрачность принятия ими политических решений и подотчетность властных институтов гражданам и

2) участие граждан в формировании политической повестки дня и властных решений, в частности посредством таких практик и процедур, как дебаты, обсуждения и комментарии общественно-значимых вопросов в прессе, функционирование и представительство института общественного мнения при достаточном уровне развития конструктивного социального критицизма, общественные инициативы, движения и манифестации, цивилизованный лоббизм различных групп интересов и другие практики.

Я буду стараться показать, что *политическая публичность* – это, прежде всего, качество режима взаимоотношений властных и политических институтов с общественностью, гражданами. А также это формат специфических взаимоотношений власти (как некогда всемогущего и всезнающего субъекта принятия решений) и социального знания². Политическая публичность в этом смысле представляется *определенным модусом репрезентации социального знания* (или, по М.Фуко, – исторической и социокультурно обусловленной характеристикой режима продуцирования истины³). В этом смысле политическая публичность делает возможным доступ граждан к общественно-значимой информации и тем самым обуславливает формирование особого режима функционирования социального знания, при котором оно уже не принадлежит лишь лицам, принимающим решение или профессиональной касте социальных экспертов.

Как хорошо показывает Ю. Хабермас, историческая общественная практика и нормативный идеал публичности (*Offentlichkeit*)⁴ формировались как социально-эмансипаторский проект модерна. В современном контексте политическая публичность (а также открытость и «прозрачность» политических решений) стойко ассоциируется с моделью делиберативной демократии (от англ. *to deliberate* – обдумывать, советоваться, обсуждать). В контексте своей коммуникативной теоретической модели Хабермас также подчеркивает, что политическая открытость как «высшее проявление тех условий коммуникативности, при которых может реализовываться дискурсивное формирование мнения и воли граждан государства, может рассматриваться в качестве основного понятия нормативно сформированной теории демократии»⁵. Развитие возможностей и способности граждан общаться друг с другом и дебатировать по важным проблемам общественного развития, а значит, формирование, по Хабермасу, коммуникативного разума повышает коллективные шансы общества в его достижении собственного суверенитета и реализации прав личности. В своей концепции Хабермас во многом опирается на кантовский подход к Просвещению⁶. Неоспоримым культурно-историческим достоянием последнего является, по Канту, устранение любых институциональных препятствий для *публичного использования разума*. Хабермас не только довольно активно апеллирует к этому методологическому тезису Канта⁷, равно как и к его размежеванию между частным и публичным использованием разума, но и актуализирует эти исходные позиции в своем понимании гражданского общества и делиберативной демокра-

тии. Исторический процесс институционализации коммуникативного разума в социально-философской парадигме Хабермаса реализуется в таких организационных образованиях буржуазного общества, как демократическое правовое государство и гражданское общество.

Сущностное понимание власти как средства коммуникации обосновывает также и Н. Луман. Более того, согласно Луману, власть лишь усиливается при расширении выбора и большего числа разнообразных решений при ее реализации⁸ – актуальный вывод для постсоветского контекста, о чем я буду говорить далее. В своем социально-философском анализе власти Луман (в отличие от Хабермаса) не анализирует способы и алгоритмы, позволяющие расширение альтернатив выбора для власти. Но вполне логичным будет предположить, что основным таким алгоритмом является расширение спектра альтернативных голосов, а также поля участников принятия властных решений.

В то же время в постмодерной социокультурной парадигме общественное давление в пользу расширения различных форматов политической публичности предстает не только следствием исторического развития современного демократического проекта (исторически обусловленными структурными изменениями сферы публичности, как сказал бы Ю. Хабермас), но и признанием ограниченности познавательных потенций властной бюрократической машины и проблемности управления как такового. Последнее проявляется в широком спектре смыслов – от анализа политики и расчета ее последствий до все еще лишь гипотетической возможности предупреждать техногенные и природные катастрофы, отслеживать траектории преступных транснациональных бизнесов, эффективно нейтрализовывать угрозы терроризма и т.п. Современные теоретики, включая того же Хабермаса, в своих характеристиках постмодерной социокультурной ситуации говорят о «новой непросматриваемости», «непрозрачности» смыслов, действий, решений, а главное – их последствий и результатов⁹. В этом смысле наступает «конец знакомого мира», как метафорически утверждает И. Валлерстайн¹⁰. Адекватной социокультурной реакцией на такие изменения является возрастающая субъективация социальной жизнедеятельности или, как говорят У. Бек и Э. Гидденс, развитие социальной рефлексивности, смещение и условность границ между формальной публичностью общественного и субъективной интимностью частного в понимании, например, таких современных концептов, как демократия. Гидденс в этом смысле говорит о «демократии эмоций» и демократизации частной жизни¹¹, проявляющейся в различных культурных манифестациях и современных отношениях между полами.

В постмодерных социокультурных обстоятельствах изменения или даже деформации некогда «идеального» современного типа политической публичности могут происходить и под влиянием всепроникающей власти средств массовой информации. Они являются обоюдоострым мечом для перспектив постмодерной политической публичности: современные медиа могут вполне радикально

способствовать социальной эмансипации, но в то же время способны создавать сети социальной зависимости и манипуляции. Эта угроза просматривается в возможностях мощного селективного давления в отношении выбора и способов подачи информации, а значит – и в усиливающихся очевидных рисках манипуляции массовым сознанием со стороны современных СМИ¹². И вновь трудно не согласиться с Ю. Хабермасом в том, что едва ли не единственным способом предотвращения подобных негативных побочных эффектов влияния современных медиа является сознательное культивирование и поддержка со стороны гражданского общества конкурентной среды их функционирования, культурного многоголосья и плюрализма, а также наличие и развитие в обществе институтов и структур «критической публицистики».

Таким образом, сфера реализации власти и принятия управленческих решений в постмодерных обстоятельствах становится все более сложной и неоднозначной (и в этом смысле – «непрозрачной»), государственное управление, несмотря на все попытки рационализировать и формализовать его практики, во многом остается, и даже актуализирует, свой характер культурно контекстуального знания¹³, а постмодерная публичность в силу возрастания социального влияния современных медиа, а также проявления эффектов других социокультурных факторов (в частности, развития социальной рефлексивности) обретает характер «подвижной», изменчивой структуры и отношений, а также становится уязвимой для многочисленных рисков своей деформации.

Особые нюансы проблемы политической публичности («прозрачности» *versus* «непрозрачности») обретают в постсоветском контексте. Здесь «непрозрачность» – не только новая постмодерная социокультурная характеристика, но также и *социально-политические атавизмы* авторитарного, по определению – закрытого, режима принятия решений и исторической специфики власти как *заговора и захвата* в различных постсоветских «родовых» проявлениях политического процесса. Бурные события избирательной кампании 2004 г., эйфорически-непосредственная близость к народу тогда еще оппозиционных лидеров в период «оранжевой революции» также актуализировали многие аспекты этой проблемы в ее конкретно-историческом измерении в Украине.

Более того, гражданское протестное движение «Украина без Кучмы» 2000–2001 гг. и «оранжевая революция» конца 2004 г. могут быть проинтерпретированы и поняты также как общественная реакция на существенные деформации политической публичности, отсутствия полноценной обратной связи между властью и обществом в обстоятельствах слабости медиативных институтов и структур, характерных для зрелых исторических демократий и развитых гражданских обществ, а также – очевидной неадекватности выполнения ими своих общественно-представительских функций в Украине.

«Оранжевая революция» обозначила новый формат общения власти, пусть тогда еще потенциальной, с гражданами. Впервые в новейшей украинской исто-

рии будущий президент и премьер-министр активно выступали перед многотысячными аудиториями на митингах в Киеве и других городах, делясь информацией, сетуя на трудности и прося у народа поддержки. В этот период властное знание (традиционно – прерогатива узкого круга избранных) тесно переплетается с политическим действием и с локальным практическим знанием масс. В начале протестных «оранжевых» акций в Киеве ноября 2004 г. менеджеры политических штабов демократических сил часто просто следуют народным самоорганизованным инициативам, а практическое знание «людей с улицы» иногда опережает тактические наработки политических штабов.

В то же время революционная публичность особо заострила насущные проблемы взаимоотношений власти с «широким» обществом (а не только с наиболее активным его сегментом – профессиональным «гражданским обществом», представленным политически ориентированными общественными организациями, «менеджерами от демократии» и активно развивающейся сетью неправительственных аналитических и экспертных центров). Проявились также и вполне постмодерные синтезы знания и такой формы познания истины, как вера («Верю! Знаю! Можем!» – характерный в этом отношении слоган избирательной кампании В. Ющенко). Проблемное поле взаимоотношений власти и общества в новом режиме декларируемой открытости, прозрачности и публичности обозначило актуальную потребность в поиске и апробации новых форм, репрезентаций, дискурсов и практик политической публичности.

Постсоветский дискурс политической публичности

Тема политической публичности даже в относительно чуждом ей советском контексте не является новой. В определенном смысле всю историю советской демократизации, начиная, пожалуй, с политической риторики *перестройки* и *гласности* середины 1980-х гг., можно охарактеризовать как сложную и противоречивую трансформацию традиционно авторитарного режима закрытости власти и технологий принятия решений в новые синтезы и мутации, содержащие ритуальные поправки на «глас народа», «общественное мнение», «национальные интересы» и т.п. Демократизация по-советски (инициированная сверху) и была задумана как декоративный, по сути, ритуально-популистский политический проект демократических уступок по форме, ради сохранения сути властного авторитаризма. Другое дело, что «джинн» общественного участия был «выпущен из бутылки» уже безотносительно воли инициаторов демократического косметического ремонта в бывшем СССР.

На современном этапе развития политической модернизации в Украине (как, с некоторыми оговорками, и в других постсоветских странах) просматриваются, по крайней мере, *четыре объективных обстоятельства*, заставляющих

любую власть активизировать или, по крайней мере, учитывать демократические процедуры «участия граждан в принятии решений». В Украине достаточно назвать лишь недавно принятые государственные декларации относительно этого вопроса: прежний и нынешний президентские указы «Об обеспечении условий для более широкого участия общественности в формировании и реализации государственной политики» от 31 июля 2004 г. и «Об обеспечении участия общественности в формировании и реализации государственной политики» от 15 сентября 2005 г., а также соответствующее постановление Кабмина «*Некоторые вопросы обеспечения участия общественности в формировании и реализации государственной политики*» от 15 октября 2004 г. Рассуждая о мотивах принятия этих и подобных деклараций, было бы, очевидно, наивно предполагать *добрую волю* властной бюрократии (равно как и приписывать ей качества некоей «моральности» или «аморальности»). Речь скорее идет о вынужденном характере, если угодно, «технологичности» шагов в направлении необходимой коррекции традиционной односторонне-монологичной модели обществено-политической коммуникации «*власть → народ*», а также соответствующего ей режима принятия решений, наподобие модели с обратной связью: «*власть ↔ народ*». Необходимость такой трансформации, по крайней мере в украинской ситуации, определяется следующими обстоятельствами:

1. Истощение ресурсов (экономических, политических, психологических) и возможностей (прежде всего идеологически-пропагандистских) для властного маневрирования в режиме традиционной закрытой политики, а теперь – и определенной девальвации важных политических и глубинно-этических смыслов. В нынешней суровой реальности объективного ограничения экономического популистского маневра, а в политической сфере – с возрастанием настроений общественного разочарования (также и в веберовском смысле: *разочарования*), проявлением реверсных тенденций после массового эмоционального подъема конца 2004 г., а также в связи с девальвацией многих идеологических мифологем тема пропагандистско-идеологического истощения ресурсов выглядит весьма актуальной. Ситуация для любой власти, желающей утвердить свою легитимность, создает проблему конструирования и продвижения новых политических смыслов, понятных и захватывающих общественное воображение и к тому же вряд ли уже замещаемых политическими лозунгами.

2. Тенденции развития государственной политики как «закрытого акционерного предприятия» для избранных и немногих стали угрожающими для безопасности существования большинства не инкорпорированных во власть граждан. К примеру, Чернобыльская катастрофа 1986 года и особенно политика сокрытия информации о ней и ее последствиях со стороны тогдашней центральной и республиканской власти послужили реальной дополнительной сильной мотивацией для многих граждан Украины в их политическом выборе государственной независимости. История постсоветских стран продемонстрировала взаимос-

вязь кланово-распределительной экономики с мутациями «клановой демократии» и постсоветского корпоративизма, во многом представляющего во власти интересы немногочисленных групп политического и экономического влияния. Подобные обстоятельства формируют повседневную культуру выживания для «широкого общества», реально не инкорпорированного во власть, и трансформируются в общественное давление на власть с требованием «гласности ради безопасности».

3. Трансформации постсоветской публичности обусловлены также и глобальным демократическим влиянием, а также политическим давлением стран западных демократий на постсоветскую власть в отношении расширения круга политического участия и борьбы с коррупцией. Хотя необходимо также признать, что глобальный кризис традиционных форм представительской демократии не формирует однозначно-благоприятного фона для развития постсоветской публичности. Тем не менее либеральная риторика и вынужденно-показные «разрешительные» жесты прежней украинской власти в отношении политической оппозиции, альтернативных СМИ и структур гражданского общества к началу 2000-х гг. переросли формат лишь ритуальной активности. К этому времени быстро расширяющееся поле политической и культурной свободы уже не контролировалось единым центром принятия решений, традиционно именуемым властью, а кульминационным следствием процесса стала «оранжевая революция» 2004 года. К тому же неизбежное возрастающее давление на власть как некогда единый центр лоббистских групп интересов имеет своим неизбежным следствием плюрализацию, распыление и эрозию властных механизмов единоначалия. Побочные эффекты такого процесса могут быть даже негативными. В этом отношении показательным стал кризис управления в модели новой «оранжевой власти» периода 2005 года, когда распыление центров принятия решений, некоторые непродуманные шаги административного реформирования, наложенные на отсутствие четкого законодательного регулирования компетенций и координаций управленческих институтов, привели к серьезным институциональным сбоям системы принятия решений и управления.

4. В Украине (как и во многих других национальных республиках) усиливающийся демократический прессинг на власть *снизу* часто дополнялся за счет специфических факторов национальной мобилизации. К примеру, риторика «предательства национальных интересов» в обвинениях режима Л. Кучмы его политическими оппонентами стала эффективным мобилизационным фактором разворачивающегося в стране с начала 2000-х гг. неформально стихийного и политически организованного движения гражданского неповиновения.

Речь, наконец, идет и о том, что в дополнение ко всем факторам объективного характера, перечисленным выше, достижения политической публичности в Украине периода 2000-х гг. явились результатом довольно активного гражданского давления на власть. Последняя в этих обстоятельствах была вынуждена

широко использовать различные PR-технологии «расширения общественного участия». Имплантации новых элементов политической публичности во все еще традиционно-авторитарный режим функционирования и жизнедеятельности власти (или, продолжая анатомическую метафору, в ее «тело») характеризуются неизбежной внутренней конфликтностью. Последняя проявляется в противоречивых и химерических мутационных синтезах постсоветского режима публичности.

С одной стороны, это – декларативные шаги разных субъектов власти и управления в сторону политической публичности и подотчетности своего функционирования, внедрение Интернет-технологий обратной связи в виде президентских и правительственных веб-порталов, создание отделов и департаментов «по работе с общественностью» при органах власти, расширяющаяся практика парламентских слушаний, отдельные прецеденты реальных, а не ритуальных общественных слушаний бюджетов и социальной политики местной власти, возрастание потока продукции неправительственных социальных экспертиз, предполагающих разработку альтернативных проектов и видений общественной политики, а также – бум опросов общественного мнения, впрочем, не всегда профессиональных и корректных.

С другой стороны, с начала провозглашения независимого украинского государства (как и других постсоветских государств) формируются новые институциональные особенности закрытого режима функционирования власти, рядом с которыми даже коммунистический авторитаризм иногда выглядит довольно упрощенной конструкцией. Американский политолог Кейт Дарден называет эту модель гибридного авторитаризма «шантажистским государством» (*blackmail state*)¹⁴, основой осуществления власти в которой является: 1) воспроизводство коррупции как благоприятной среды такого правления, 2) активное использование надзорного и карательного государственного аппарата и 3) выборочное применение законов для «своих» и «чужих». Понятно, что новый авторитаризм «шантажистского государства», учитывая институциональные особенности своего функционирования, не способствует публичности принятия общественно важных политических решений относительно любых вопросов от геополитических ориентаций до приватизации привлекательных экономических объектов или распределения собственности. Для такой власти до сих пор обычной практикой является политическое манипулирование социальным экспертным знанием, в том числе результатами опросов общественного мнения, клонирование «независимых» общественных практик и экспертных центров, которые претендуют на репрезентацию общественных интересов, фильтрация лоббистских инициатив с учетом политической лояльности особых групп интересов в стратегии политического выживания власти и другие проявления авторитарного политического стиля.

В Украине, похоже, институциональная память такого стиля управления оказалась значительно устойчивей, чем общественные ожидания от политических перемен конца 2004 года. Период символического снятия забора вокруг нового секретариата президента длился недолго, и спустя некоторое время ограждение вновь вернулось на привычное место. Правда, интенции «оранжевой» власти относительно внедрения основ публичной политики и даже разработки конкретных механизмов ее обеспечения были обозначены в определенных распоряжениях, в частности в упомянутом вполне конструктивном, но мало реализуемом Указе президента «Об обеспечении участия общественности в формировании и реализации государственной политики» от 15 сентября 2005 г., № 1276/2005. Впрочем, изменился ли существенно формат политической публичности, в особенности в постреволюционном развитии страны в период 2006-2007 годов, стала ли власть действительно более «слушающей» и «понимающей», к тому же – после создания проправительственной парламентской «антикризисной» коалиции в 2006 году – *какая* власть?

Имитационно-потенциальная модель политической публичности в Украине

Под *имитационностью* я понимаю перенос практик и процедур функциональной публичности из опыта исторических представительских демократий (в том числе «авангардных» практик, получивших свое развитие с конца 1990-х гг., в некоторых странах, в частности в Канаде) на все еще не подготовленную (культурно и институционально) почву постсоветских демократий. Однако даже формальность этих начинаний имеет значительный культурно-политический потенциал в виде хотя бы формирования законодательного поля возможностей и нарождающейся практики прецедентов их использования. Более того, культурно-политическая *tabula rasa* постсоветского развития с такими ее остаточными генетическими особенностями, как коллективизм, массовое чувство социальной справедливости, советские ритуалы народного, общественного, рабочего и другого контроля могли бы способствовать начинаниям и практикам демократического лоббирования требований публичности власти. Но все же проблем здесь пока больше, чем достижений.

Для устоявшихся представительских демократий, даже несмотря на кризисные тенденции в их развитии конца 1990-х – начала 2000-х гг. (связанные, в частности, с проблемными решениями политической дилеммы «*безопасность или открытость*»), более характерно упомянутое вначале ***первое и основное значение*** политической публичности, а именно – открытость функционирования государственной бюрократии и прозрачность принимаемых ею решений. Этот алгоритм реализуется через развитые и устоявшиеся демократические

традиции и процедуры парламентаризма, практики общественного контроля за властной бюрократией, а также обсуждения ее решений в институтах СМИ, деятельность сети надзорных (*watch-dog*) и правозащитных общественных организаций и другие механизмы системы гражданского контроля над властью. Во многом авангардные даже для Запада, элементы делиберативной демократии с ее процедурами и механизмами общественного участия в принятии решений выглядят здесь скорее исключением.

Для новых постсоветских демократий, в частности в Украине, велик соблазн доступности и кажущейся функциональной простоты (обусловленной к тому же популистской привлекательностью) в реализации **второго алгоритма** публичности, а именно – якобы «непосредственности участия общественности в практике формирования и принятия политических решений». В массовых протестных акциях начала 2000-х годов политическая публичность и притязания на власть воспринимались во многом «вещно», иллюзорно-доступно при длительно копившемся политическом зуде «*ее поиметь*». Опубличивание политики неизбежно предполагало утрату восприятия широкой публикой власти в ее ореоле оракула, отделенного от профанной повседневности. Это означало десакрализацию власти и властного действия – эффект, который стал еще более явственен и в проявлениях политического кризиса 2006–2007 гг. По признанию же одного из активистов кампании «Украина без Кучмы» 2001 г., «власть (подобно публичной девке – почти зримые в таком контексте ассоциации. – В.С.) буквально лежала на улице, и нам не хватило решимости (отчасти из-за нерешительности лидеров оппозиции) ею овладеть». Планка массовых ожиданий «эры публичности» была особо высоко поднята после непосредственного участия многих миллионов граждан в альтернативном властно-энергичном массовом действе, противопоставленном власти (ранее недоступной, ненавистной и накопившей массу грехов) в процессах политической мобилизации и активного гражданского участия в событиях «оранжевой революции».¹⁵ Феномен киевского *Майдана (Незалежности)* как политического, гражданского и культурного центра революции, а также сама практика использования физического коммунального пространства центральной площади города для массовой общественной репрезентации сформировали своеобразные ориентиры в модель организации нового режима публичности – своего рода «*майданной демократии*». Последняя, впрочем, лишь артикулировала существенные деформации функционирования публичной сферы в предыдущий, нереволуционный период. В период «оранжевой революции» практика «майданной демократии» и соответствующей ей публичности как снежный ком расширилась по многим городам страны, где появлялись свои подобные майданы независимо от их политического цвета.

Слово «*майдан*» расширило свою социальную семантику, превратившись в метафору нового свободного публичного пространства. Более того, Майдан стал наглядной *символизацией* постсоветской политической публичности и

идеализации «прямой демократии» со всеми ее достоинствами и недостатками в турбулентный период с конца 2004 г. в Украине. Многофункциональность Майдана как символа нового режима политической публичности нашла свои проявления в следующем. *Майдан* – это:

- национальная политическая трибуна, с которой политические лидеры непосредственно обращаются к народу, неизменно подчеркивая при этом репрезентативность присутствующих в их представительстве *всего народа* или, по крайней мере – *лучшей его части*;

- центр коммуникации – новая *Агора*, на которой люди общаются друг с другом получая и передавая информацию (газеты, открытки и т.п.), крупный торговый подземный центр не профанирует майданную публичность, а лишь усиливает метафору *Агоры*, по крайней в отношении киевского Майдана (Площади Независимости);

- центр информации, визуальным нервом которого является магия большого ТВ-экрана с трансляциями событий и важных сообщений «вживую», когда присутствующие на площади часто видят сами себя, а для людей, наблюдающих действо у телевизоров, создается эффект их физического присутствия;

- концертная сцена для художников, место встреч, фестивалей, общественных презентаций и отдыха для многих людей;

- с конца 1990-х годов «Майдан» как бурное развитие альтернативных и бесцензурных Интернет-порталов и свободных Интернет-форумов (в частности, одноименного, www.maidan.org.ua), формирование виртуального публичного пространства и виртуальных «майданных» общин со своими интересами, ценностями, правилами и регуляциями самоорганизации и распространения информации (например, «*copyleft*») как альтернатива *copyright*);

- бум интерактивно-«майданных» форматов на ТВ – ток-шоу «Майдан» (с его слоганом «прийди и скажи власти все, что ты думаешь о ней»), «Свобода слова», «Толока», «Я так думаю» как новые медийные экспликации метафоры «майданной публичности»;

- демократические идеалы и ценности, символизацией которых стал Майдан, – например, часто употребляемое в современном украинском общественно-политическом дискурсе понятие «идеалы Майдана»;

- и даже попытка имитационного «тиражирования» Майдана как политтехнологии в период политического кризиса весны 2007 г. (так называемый «Майдан-2») лишь подтверждает устойчивость эффекта новой символизации режима политической публичности в Украине.

Киевский Майдан как эффективная практика общественной репрезентации воплотил в себе сочетание центральности места, гражданского действия и национально-демократического дискурса публичной политики. Впрочем, апелляции лидеров революции непосредственно к народному вече, которое собралось на Майдане, обозначила также и принципиально узкие места такой модели

публичности. Политические лидеры просили граждан скорее поддержать уже принятое ими решение или декларацию, чем принимать участие в процессе их разработки. «Аргумент улицы» на самом деле оказался скорее эффективным средством массового силового давления на власть, чем формой осознанного общественного участия в принятии решений. Именно это обстоятельство спровоцировало откровенную политическую профанацию «майданной демократии» и ее наивной, впрочем, искренней публичности 2004 г., в технологические и коммерческие имитации «Майдана-2» в период политического кризиса весны 2007 г. Осознанное же общественное участие в принятии решений предусматривает всестороннее знание ситуации и видение альтернатив решения вопроса.

Политическая публичность – для кого? Проблема демократической публички

Как отмечалось, одной из важных причин «оранжевой революции» была общественная реакция на отсутствие или, по крайней мере, существенные системные деформации режима публичности функционирования власти, присущие демократическим стандартам. Именно поэтому эта революция как определенный общественно-компенсаторный механизм и характеризовалась особой коммуникативной активностью и насыщенным медийно-информационным сопровождением. Для протестной реакции с эффектом «вытолкнутой пробки» неразвитость коммуникативных механизмов власти в ее неспособности слышать и понимать общество, даже такое, в котором довольно стойко сохраняются и воссоздаются клиентелистско-патрональные отношения, должно было бы достичь критической степени (как это, собственно, и произошло во время фальсификации результатов выборов 2004 г.).

Впрочем, как ни парадоксально, украинское общество и после революционных событий 2004 г. остается в своем подавляющем большинстве довольно благосклонным к авторитарному стилю управления, которое по своей сути оставляет не слишком много места для оформления и развития любых публичных институтов и практик. Характерно, что в ежегодных мониторингах, которые Институт социологии НАН Украины проводит с 1994 г., подавляющее большинство респондентов согласны с мнением, что «несколько сильных руководителей могут сделать для страны больше, чем все законы и политические дискуссии». В 2006 г., по данным этого исследования, 65,7% украинских респондентов согласны с этим утверждением. Симптоматично, что это – наивысший с 1992 г. показатель (табл. 1). Что это – всплеск авторитарных настроений разочаровавшегося общества или общественная усталость от многословия, которым порой часто подменяют публичность?

Таблица 1

«Несколько сильных руководителей могут сделать для нашей страны больше, чем все законы и дискуссии» (N=1800, %)

	1992	1994	1996	1998	2000	2001	2005	2006
Согласны	52,3	40,5	42,0	49,3	58,7	57,9	59,6	65,7
Не согласны	30,3	17,0	17,2	14,5	21,4	22,2	22,1	18,7
Не знаю	16,9	41,7	40,8	36,1	19,8	19,6	18,2	15,6
Не ответили	0,6	0,8	0,0	0,1	0,1	0,3	0,1	0,0

Очевидно, что и другой вопрос общенационального опроса об отношении респондентов к утверждению о том, что «люди слишком много говорят и мало работают» (табл. 2), которое в авторитарных и полуавторитарных политических контекстах обычно интерпретируется как индикатор авторитарных настроений, в постреволюционный период украинского общественного развития приобретает новые социальные подтексты. Во всяком случае, к весне 2006 г. – период проведения опроса – эти подтексты во многом были связаны с наметившимися настроениями общественного разочарования и «реверсных» общественно-политических тенденций¹⁶, возрастанием скепсиса и недоверия к власти в общественном мнении. Однако такие настроения явились не только следствием высоко поднятой планки общественных ожиданий после изменения политической власти в стране в конце 2004 г. Они также отразили объективные сложности практического воплощения декларированного «оранжевого» проекта общественного обновления, усугубленные межгрупповыми разногласиями, личными амбициями, но главное – непоследовательностью властной реализации реформаторской политики, в частности в отношении развития режима демократической политической публичности¹⁷.

Таблица 2

«Согласны ли Вы с тем, что главная проблема сегодня в том, что люди слишком много говорят и мало работают» (N=1800, %)

	1999	2000	2001	2004	2005	2006
Согласны	64,8	70,3	68,9	65,5	69,3	73,7
Не согласны	25,8	19,6	22,3	25,6	22,6	18,6
Не знаю	9,0	9,7	8,6	8,9	8,1	7,7
Не ответили	0,4	0,4	0,2	0,0	0,1	0,0

К тому же симптоматичное возрастание общественного согласия относительно существующего «многословия вместо работы» актуализирует вышеупомянутую проблему в новых условиях актуального политического выбора, возрастания степени свободы слова и политического плюрализма – едва ли не единственного зримого достижения «оранжевой» политики. Ведь, по своей

сути, демократия предусматривает политическое «многоголосие», переговорный, иногда продолжительный, процесс, консенсусную практику принятия решений и внимание к процедурам их принятия. Другое дело, что общественно-политическая риторика, переговоры и демократическое «многоголосие» в демократии имеет определенную черту, определяемую необходимостью реальных шагов и действий, без которых риторика легко превращается в «многословие» – своего рода имитационный ритуал, который часто никого ни к чему не обязывает и не предусматривает программу реальных действий.

Впрочем, подмена реальных действий декларациями – это не только еще один аспект имитации публичности в постсоветском контексте, но и социокультурное следствие предыдущего и поныне институционализированного разрыва между словами и жизненными практиками. Историческим культурным фоном формирования такой диспозиции «циничного разума» (*говорим одно, думаем о другом, а делаем часто третье*) был, конечно, социализм с его официально декларируемой общественно-политической теодицеей «рая на земле». Немецкий социальный философ П. Слотердайк в своих фундаментальных исследованиях культуры цинизма справедливо отмечает, что при социализме «связь между “словами” и “вещами” нарушена, но из-за недостатка контролирующих это дискуссий такое нарушение утверждает себя, превращаясь в новую норму»¹⁸. Таким образом, риторика «идеального» общества в ее отношении к действительности формирует расщепленность и амбивалентность общественного сознания, которые устойчиво фиксируются социологическими исследованиями в Украине и других постсоветских странах. Очевидно, что чем более значительным является это расхождение, тем более благоприятной оказывается социальная почва для формирования «двойной морали» и общественного цинизма. Идеологический антипод социализма капитализм и буржуазное общество выглядят в этом отношении «честнее», ведь либеральная идеология, которая их сопровождает, не оперирует измерениями трансцендентной теодицеи, а апеллирует ко вполне «прозаичным» правилам повседневной морали, уважения к другому и инаковости, к принятию отличий и способности к компромиссам. А формальным регулятором последовательности слова и дела здесь остаются гражданские отношения права, закон и контракт. Отсюда утверждение новых, последовательных в соответствии между словом и делом ориентаций в трансформирующемся обществе неминуемо предусматривает одновременный процесс *деинституционализации* прежнего уклада имитационной публичности во всех ее проявлениях, включая разрыв идеологических, вербальных практик и общественной жизнедеятельности. Очевидно, что такие общественно-психологические и культурные изменения являются более сложными и инертными, чем любые политические изменения в организации и репрезентации власти.

Разрыв деклараций и общественной практики, который в особенности проявляется в отсутствии действенного верховенства права, довольно легко может

компенсироваться в обществе массово-психологическим упованием на авторитеты и «сильных руководителей», которые якобы обычно нарочито немногословны, но всегда знают, что и как делать. Не удивительно, что такая ситуация формирует вполне благодатную почву для развития авторитарных настроений, которые, как показывают социологические исследования 2006–2007 гг., несколько возросли в стране. Ирония «посторанжевого термидора», проявившаяся в политическом успехе партии регионов на выборах 2006 г., образовании «антикризисной» коалиции без основных политических сил Майдана и в продолжительном парламентском кризисе 2006–2007 гг., подтверждает это.

Необходимо признать также, что неблагоприятным общественным фоном для формирования культуры и практик политической публичности является также стабильно **низкий уровень общественного доверия** к институтам власти и политики. Тенденции делегитимации власти и основных государственных учреждений в особенности усилились в период политического кризиса весны – лета 2007 г. К тому же украинское общество даже после политических изменений и массовой общественной активности 2004 г. и ныне демонстрирует очевидный *синдром правового бессилия* касательно возможности защиты своих законных прав и интересов перед центральной и местной властями (табл. 3, 4).

Таблица 3

«Если бы правительство Украины утвердило решение, ущемляющее Ваши законные права и интересы, могли ли бы Вы что-либо сделать против такого решения?» (N=1800, %)

	1994	1998	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Нет, ничего не смог бы сделать	65,1	67,6	66,2	63,9	65,8	70,7	69,0	57,1	63,2
Трудно сказать	28,6	28,2	29,7	31,0	26,9	23,4	24,7	33,4	28,6
Да, смог бы что-то сделать	5,6	4,1	4,0	5,1	7,3	5,6	6,2	9,4	8,2
Не ответили	0,7	0,1	0,1	0,1	0,1	0,3	0,1	0,1	0,1

Приведенные данные выявляют системные деформации подотчетности власти, ее по-прежнему слабой (если и вовсе не отсутствующей) обратной коммуникативной связи с обществом, а отсюда – очевидные проблемы публичности и прозрачности отечественного политического процесса. Эти проблемы проявляются также в таких индикаторах, как оценка эффективности демократических механизмов выбора элит и выборных институтов власти (в упомянутом мониторинге Института социологии на вопрос «Можете ли Вы сказать, что избранный от Вашего округа депутат способен выразить Ваши инте-

Политическая публичность в трансформации

рессы?» лишь до 13% респондентов дали утвердительный ответ в 2005–2006 гг.) и отсутствие действенных системных механизмов влияния граждан на власть в периоды без выборов.

Таблица 4

«А если бы аналогичное решение постановила местная власть, могли ли бы Вы что-либо сделать против такого решения?» (N=1800, %)

	1994	1998	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Нет, ничего не смог бы сделать	56,1	58,8	60,1	56,3	55,8	56,4	54,9	46,2	50,3
Трудно сказать	30,4	31,8	32,5	34,2	32,9	31,1	31,7	36,6	32,9
Да, смог бы что-то сделать	2,3	9,2	7,3	9,5	11,2	12,3	13,3	17,2	16,7
Не ответили	1,2	0,3	0,0	0,0	0,2	0,1	0,2	0,1	0,1

Собственно, выборы в украинской политической ситуации были и остаются единственным реальным рычагом контроля граждан за властью (не отсюда ли жесткость политической борьбы, разгоревшейся в стране с весны 2007 г., по вопросу о самом даже прецеденте досрочных выборов). Как результат этих системных деформаций «имитационная», «вынужденная», часто «ритуальная» публичность является и ныне определяющей политической средой выработки и принятия многих общественно-значимых решений («непрозрачный» характер договоренностей и условий транспортировки и поставок газа с Россией конца 2005 г., отсутствие внятной аргументации и общественного обсуждения политики новых жилищно-коммунальных тарифов 2006–2007 гг. – лишь отдельные примеры этому).

Вместе с тем проблемы защиты своих прав гражданами одновременно с вновь приобретенным ими опытом эффективной политической мобилизации создают для любой власти новые вызовы. В постреволюционный период зримо усиливается протестный потенциал гражданского общества в Украине. По сравнению с 2004 г. в 2005 г. почти в два раза (до 34,2%) выросла доля респондентов, считающих законные митинги и демонстрации наиболее эффективным способом отстаивания своих прав и *готовых непосредственно принять в них участие*.

Впрочем, наши исследования показывают, что для подавляющего большинства украинских граждан присуще и вполне оправданное, вполне цивилизованное желание быть услышанными и понятыми в традиционных и устоявшихся для демократии формах публичной политики (табл. 5).

Таблица 5

«Какие формы влияния общественности на принятие решений институтами власти Вы считаете наиболее эффективными?» (2004, N= 1800, %) (отметьте не более 3 позиций)

Изучение общественного мнения	32,7
Обсуждение проектов решений власти в СМИ	27,0
«Горячие» телефонные линии органов власти	23,3
Общественные слушания общественно-значимых проблем	19,5
Парламентские открытые слушания	14,8
Консультации органов власти с независимыми экспертами	11,2
Интернет-страницы органов власти для запросов и предложений граждан	3,8
Не знаю, трудно сказать	40,4

Как свидетельствуют вышеприведенные данные, в мониторинговом опросе 2004 г. среди наиболее эффективных и «нереволюционных» форм гражданского участия респонденты отметили такие недоступные для сенситивной власти формы, как опросы общественного мнения (33% респондентов) и публичные обсуждения проектов (именно *проектов*) решений власти в СМИ (27% респондентов).

Эти и другие упоминавшиеся факторы и индикаторы постсоветского развития в Украине позволяют с оптимизмом обсуждать перспективы развития стандартных параметров демократической политической публичности. Впрочем, было бы наивностью уповать на добровольные властные инициативы в этом направлении без постоянного корректного гражданского прессинга и без формирования целостной системы гражданского контроля за властью. Это также предполагает демократическую трансформацию социальных качеств самой публики – граждан, народа, нации – словом, того субъекта, ради которого и призвана функционировать полнокровная политическая публичность.

В одном из своих интервью, подытоживая первые впечатления от «перестроенных реформ» в бывшем Советском Союзе середины 1980-х гг., Ю. Хабермас вполне в духе своей теории коммуникативного действия считал важнейшей их стороной относительную либерализацию коммуникативной сферы и свободу высказываний, которые стали известными под лозунгами «гласности»¹⁹. Именно такая политика, по образной метафоре Хабермаса, способствовала «оживлению пересохшей было политической общественности (*Offentlichkeit*)»²⁰. Перефразируя эту мысль для Украины периода постреволюционной публичности, эпохи Интернета, новых средств массовой коммуникации, массовой рекламы и развитых, хотя и большей частью все еще несвободных и подконтрольных медиа, практика общественных коммуникаций, дабы не «пересохнуть», должна найти

свою собственную логику развития, утверждая демократический режим политической публичности.

В украинском, да и в другом постсоветском контексте, это развитие предполагает укрепление институциональной самодостаточности гражданского общества и расширение его инициатив, направленных на развитие независимой сферы публичных коммуникаций, на утверждение общественного мнения как института контроля за властью, на плюрализацию и диверсификацию независимых от власти средств массовой коммуникации, а также – на формирование общественной потребности в свободных медиа через возрастание критической массы мыслящих и небезразличных граждан – «демократической публики» в терминах Хабермаса.

Выводы

Не ограничиваясь констатациями о том, что единственными надежными основами формирования режима публичной политики в Украине является развитие гражданского общества с такими его неотъемлемыми составными, как независимые медиа и реализация принципа верховенства права, а также – институционализация общественной мысли как контролера власти, очерчу также направления развития политики публичности, которые, на мой взгляд, являются актуальными для демократической (а значит, «понимающей» и «слушающей») власти и демократической публики:

- повышение уровня гражданской компетенции, которая предусматривает необходимую стадию информирования общественности о характере и альтернативах решения общественных проблем;
- «золотое правило» общественных обсуждений твердит – не вступай в них, если не готов принять во внимание мнение другой стороны;
- развитие демократической гражданской культуры и информирование граждан о возможных законных способах их участия в обсуждении и принятии важных для общества решений. Граждане имеют крайне слабое представление о формах своего цивилизованного влияния на власть и ее политику. Симптоматично, что большинство респондентов (свыше 40%) не знает или имеет слабое представление об эффективных способах влияния на принятие властных решений (табл. 5);
- адаптация (без горячечного фанатизма, который легко перерождается в модную ритуальность) лучшего опыта и практик гражданского участия в принятии решений делиберативной демократии;
- оптимизация нового формата взаимоотношений в треугольнике «власть – профессиональная социальная экспертиза – общество», где профессиональные социальные эксперты должны стать представителями обще-

ственных интересов и гражданского общества в Украине, тем самым усиливая его креативный потенциал. Роль социальных экспертов и интеллектуалов также состоит в сохранении социальной памяти, которая во многом предполагает способность постановки четких и артикулированных вопросов и возможных ответов в отношении нерешенных общественно-значимых проблем и формулирование новых, актуальных запросов, касающихся общественных интересов;

• зримой является проблема расширения круга участников публичного обсуждения политики, формирование благоприятной ситуации аналитического многоголосия и переориентация от *политических технологов* (необходимых в период борьбы за власть) и *интерпретаторов* к *аналитикам-конструктивистам*.

Примечания

- ¹ В этом тексте я сосредоточу внимание на теме публичности властных институтов, о проблемах публичности и общественной репрезентативности «третьего сектора» (см.: Степаненко, В. Громадянське суспільство в Україні: від практик «агенцій впливу» до політики громадянської участі / В. Степаненко // Національна безпека України. Конференція українських випускників програм наукового стажування у США. 16–19 вересня 2004 року. Київ, 2004. С. 106–121.
- ² См.: Степаненко, В. Публичность власти как модус социального знания: миф или возможность постсоветской демократии / В. Степаненко // Соціологічне знання та влада. Київ, 2005. С. 19–36.
- ³ Фуко, М. Интеллектуалы и власть. Часть 1. Статьи и интервью 1970–1984 / М. Фуко. М., 2002. С. 206.
- ⁴ Многозначное немецкое понятие *Offentlichkeit*, используемое Ю. Хабермасом, может переводиться на русский как «публичность» или, как это сделано в украиноязычном переводе его работы (Габермас, Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості / Ю. Габермас. Львів, 2000), – «открытость». Я буду употреблять термин «публичность», сохраняя, однако, употребление взаимозаменяемого понятия «открытость» в прямых цитированиях этой работы в украинском переводе.
- ⁵ Габермас, Ю. Структурні перетворення у сфері відкритості. С. 32.
- ⁶ Schmidt, J. Civility, Enlightenment, and Society: Conceptual Confusion and Kantian Remedies / J. Schmidt // *The American Political Science Review*. Vol. 92. No 2. June 1998. P. 419–427. Детальный анализ развития посткантовской традиции немецкой коммуникативной философии см. в: Єрмоленко, А. Комунікативна практична філософія / А. Єрмоленко. Київ, 1999.
- ⁷ См., в частности: Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. СПб., 2001. С. 119–157.
- ⁸ Луман, Н. Власть / Н. Луман. М., 2001. С. 20.

- ⁹ Ионин, Л. Подступы к новой магической эпохе / Л. Ионин // Постмодерн: новая магическая эпоха. Харьков, 2002. С. 10.
- ¹⁰ Wallerstein, I. The End of the World as We Know It. Social Science for the Twenty-First Century / I. Wallerstein. Minneapolis, 1999.
- ¹¹ Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. М., 2005. С. 585-586.
- ¹² Проблемы манипуляции сознанием, создание «альтернативных» и виртуальных реальностей, а также информационного оружия, которые делает возможным современное развитие средств массовой коммуникации, являются ведущей темой постмодерной социологии и культурологии (см., например: Вирилио, П. Информационная бомба. Стратегия обмана / П. Вирилио. М., 2002.
- ¹³ Fukuyama, F. State-Building. Governance and World Order in the 21-st Century / F. Fukuyama. Ithaca, New York, 2004.
- ¹⁴ Darden, K. Blackmail as a Tool of State Domination: Ukraine under Kuchma / K. Darden // East European Constitutional Review . 2001. Vol. 10. No 2-3; См. также: Рябчук, М. Чи можна змінити «шантажистську державу»? / М. Рябчук // Агора. 2005. Вип. 1. С. 61–71.
- ¹⁵ Об особенностях гражданской политической активности этого периода смотри детально: Степаненко, В. «Оранжевая революция» – природа событий и особенности национальной гражданской активности / В. Степаненко // Вестник общественного мнения. Ноябрь – декабрь 2005 г. С. 25–39; Степаненко, В. Помаранчева революція: логіки колективних дій та паростки громадянського етосу / В. Степаненко // Цінності громадянського суспільства і моральний вибір: український досвід. Київ, 2006. С. 171–192.
- ¹⁶ Паніна, Н. Демократизація в Україні та помаранчева революція у дзеркалі громадської думки / Н. Панина // Дзеркало тижня. № 19. 20 травня 2006.
- ¹⁷ См.: Степаненко, В. Слова і справи: проблеми інституціоналізації суспільних ідеалів в Україні / В. Степаненко // Українське суспільство 1992–2006. Соціологічний моніторинг. Київ, 2006. С.324-337.
- ¹⁸ Слотердайк, П. Критика цинического разума / П. Слотердайк. Екатеринбург, 2001. С. 277.
- ¹⁹ Хабермас, Ю. Демократия, разум, нравственность / Ю. Хабермас. М., 1995. С. 84.
- ²⁰ Там же.